2. экз

НА ПОСТУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. ВОЛИНА
Г. ЛЕЛЕВИЧА
С. РОДОВА

№ 1 (5) МАЙ

МОСКВА
1924

Второй год издания

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НА ПОСТУ

под редакцией

Б. ВОЛИНА, Г. ЛЕЛЕВИЧА, С. РОДОВА.

На посту издается при ближайшем участии: Леопольда Авербаха, Демьяна Бедного, А. Безыменского, Ф. Березовского, Ил. Вардина, Бор. Волина, С. Ингулова, Исбаха, А. Зонина, В. Киршона, С. Левмана, Г. Лелевича, П. Лепешинского, Юр. Лебединского, С. Малахова, Л. Межеричера, М. Морозова, М. С. Ольминского, В. Плетнева, Ф. Раскольникова, С. Родова, А. Соколова, Л. Сосновского, Б. Таля, А. Тарасова-Родионова, В. Фриче.

НА ПОСТУ ставит себе целью революционно-марксистскую критику современной русской и иностранной литературы, освещение вопросов теории и практики пролетарской литературы, борьбу со всякими уклонами и извращениями и, в первую очередь, беспощадную борьбу с теми литературными направлениями и группировками, которые открыто или под маской внешней революционности проводят контр-революционные и реакционные идеи.

НА ПОСТУ будет выходить регулярно каждый месяц размером в 12 — 14 печатных листов, по следующей программе: 1. Статьи. 2. Литературные портреты. 3. Литературная критика. 4. Рецензии. 5. Литературные документы. 6. Хроника. 7. Пародии и шаржи — и проч.

НА ПОСТУ обратит особое внимание на освещение литературной и художественной жизни СССР и других стран, в частности путем статей и писем из провинции и заграницы.

НА ПОСТУ предполагает привлечь к сотрудничеству, кроме целого ряда пролетарских писателей и марксистских критиков и теоретиков, уже принимающих участие в журнале, также представителей коммунистической и пролетарской литературы Западной Европы и Америки.

В 1924 г. выйдет 6 №№

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ — С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

На 1 год . . . . . 6 руб.
На $^1/_2$ года . . . . . 3 руб. 50 коп.

Фабрично-заводские, партийные и красноармейские организации, рабфаки и ВУЗ'ы при коллективной подписке не менее чем на 10 экз. пользуются скидкой в 20%.

Адрес редакции: Москва, Б. Дмитровка, 15/Б, тел. 2-11-96.
Прием ежедневно от 5 до 7 веч.

Подписка в конторе: Москва, Б. Дмитровка, 26 (тел. 4-71-88 и 2-12-00) и во всех райэкспедициях при райкомах РКП.

НА ПОСТУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. ВОЛИНА
Г. ЛЕЛЕВИЧА
С. РОДОВА

№ 1 (5) МАЙ

Москва, Б. Дмитровка, 15б | 1924 | Тел. 2-11-96 и 1-93-00, д. 65

Всесоюзная Публичная Библиотека
XXIV-807

СТАТЬИ:

Перед XIII с'ездом РКП.
Ил. Вардин — Воронщину необходимо ликвидировать
Юр. Либединский — К вопросу о личности художника
Г. Лелевич — 1923 год
Бор. Волин — Великий Искус
А. Безыменский — О творческих путях
Лидия Тоом — Наши праздники и старое искусство

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ:

П. С. Коган — А. Серафимович
С. Ингулов — Я хочу жить! (А. С. Неверов)
Г. Лелевич — Александр Безыменский

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА:

Роза Люксембург — Лев Толстой
Семен Родов — Молодая гвардия
В. Перцов — Вымышленная фигура
Н. Изгоев — О музыке и коммерции
А. Безыменский — Зарубки по пути
Леопольд Авербах — Невольная рецензия

РЕЦЕНЗИИ:

О книгах: — А. Коллонтай — „Любовь пчел трудовых", Василий Князев — „Ржаные Апостолы", Александр Жаров — „Ледоход", Сергей Малахов — „Стихи", Валериан Полищук — „Ленин" и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

I. Материалы пленума правления ВАПП — II. К созданию единого фронта пролетарской литературы — III. Соглашение МАПП и ЛЕФ — IV. Резолюции о литературной линии

ХРОНИКА:

I. Пленум Правления ВАПП — II. 2-ая московская конференция пролет-писателей

ПАРОДИИ:

Сергей Малахов — Брюсов, Каменский, Казин

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Ил. Вардин.

ВОРОНЩИНУ НЕОБХОДИМО ЛИКВИДИРОВАТЬ

О ПОЛИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

В чем основная ошибка тов. Воронского и его сторонников? В том, что они недооценивают политического значения литературы, что они переоценивают „об'ективный момент" в творчестве попутчиков, что они неясно представляют себе совершенно исключительное положение литературы в эпоху гигантской войны классов.

Литературная политика тов. Воронского это — фактически наша традиционная, „почти - марксистская" (в духе Львова-Рогачевского, Кубикова), интеллигентская, прогрессивно-культурническая политика. Она в общем правильно учитывает значение культурного наследства, более или менее правильно ставит вопрос об исторической преемственности, но оказывается совершенно беспомощной в разрешении активных политических задач пролетариата в области литературы. Мало того: в условиях революционной эпохи эта „традиционная" литературная политика фактически превращается в орудие, за которое разбитая на главных позициях буржуазия ухитряется уцепиться. На наших глазах политика т. Воронского превратилась в политику анти-революционную.

* * *

> „Как и наука, искусство дает об'ективные истины. Подлинное художество требует точности, потому, что имеет дело с об'ектом, оно опытно".

Так пишет тов. Воронский в статье „Искусство, как познание жизни". Обоснованию, раз'яснению, разжевыванию этой „вечной" истины он посвящает не в меру много места и внимания. И при этом забывается такой пустяк, как... гражданская война классов, забывается тот бесспорный факт, что в нашу эпоху даже самые „об'ективные" науки стали орудиями классовой борьбы, что буржуазия не только в области художества, но и в области точных наук борется против научной точности и добросовестности.

„Подлинное художество имеет дело с об'ектом, оно опытно". Вообще говоря, это бесспорно. Но в конкретной исторической обстановке это пустая и обманчивая фраза, ибо ведь биология тоже имеет дело с об'ектом, она опытна, однако, этот факт не мешает виднейшим представителям буржуазии итти войной против дарвинизма.

От точных наук и от искусства перейдем к наукам общественным. Может ли социология дать „об'ективную истину?" Конечно, может. Но какая именно социология?

Коммунистическая, марксистская, пролетарская социология. Вот конкретный, точный, следовательно, единственно верный ответ. Общее указание на счет того, что социология вообще может дать об'ективную истину, является фразой, пустой и бессодержательной. К числу таких фраз принадлежит и следующее заявление тов. Воронского:

> „Искусство есть особый способ познания жизни... В подлинном искусстве есть такой же об'ективный момент, как в философии и науке".

Ну, конечно, вообще говоря, в природе существует „об'ективный момент". Но тов. Воронский упустил из виду пустяшную штуку: он забыл указать точно, кто именно, какой класс, какая партия, какая идеология, какое общественно-политическое, философское направление являются носителями этого „об'ективного момента", кто именно, какие классы, какие партии, идеологии, направления являются бешенными врагами об'ективной правды. Без таких указаний речения тов. Воронского относительно „об'ективного момента" просто напросто смахивают на струвизм. Об'ективная истина пробивает себе дорогу в противоречиях, в бешенной борьбе классов, в результате победы класса грядущего над классами прошлого. Забыть эту азбучную истину, угощать публику разговорами об „об'ективном моменте" вообще, значит впадать в струвизм. Девятнадцать лет тому назад Ленин весьма подробно раз'яснил смысл струвистского об'ективизма и этому об'ективизму противопоставил материализм.

Тов. Воронский — человек положительный, основательный, и он очень любит выражаться тоже основательно: „подлинное искусство", „истинный художник", „об'ективный момент", „истинная лирика", и т. д., и т. п. По нашему мнению все эти солидные выражения суть истинная... словесность, И это не потому, что в природе нет „истинной лирики", а просто потому, что тов. Воронским не указывается местонахождение всех этих истинных и об'ективных вещей, он не говорит прямо, что как об'ективную философию, социологию, историю дает миру коммунизм, точно также „подлинное искусство", „истинная лирика", действительно об'ективная, т.-е. исторически верная и точная литература придет из рядов пролетариата.

Но тов. Воронский поступает хуже: вся его „истинная лирика" направлена на то, чтобы доказать, что в силу наличия в природе „об'ективного момента", носителями оного момента являются существующие в республике Советов в 1923—1924 годах литературные попутчики пролетариата. Вот что хуже всего, вот где тов. Воронский берет наибольший грех на душу! Вместо того, чтобы сказать простую и ясную правду: попутчики смогут схватить кусочки об'ективной правды по мере их приближения к пролетарской идеологии, вместо этого тов. Воронский пробавляется общими фразами об „истинных" и „об'ективных" предметах. Между тем, тов. Воронский больше чем кто-либо из нас обязан взять за пуговичку Пильняка, Всеволода Иванова, Есенина — каждого попутчика в отдельности и всех их вместе, и сказать им прямо:

— Друзья, в мире происходят чудесные штуки, человечество выходит, говоря словами Есенина, „на колею иную", человечество перерождается в огне и буре. В этой чудовищно-грандиозной борьбе и работе действуют об'ективные причины, имеются суб'ективные моменты... Об'ективная истина,

настоящая правда, истинная правда существует. Но чтобы ее понять, чтобы вы не тыкались носом в этом вихре событий, как слепые щенята, вы должны стать более или менее политически грамотными, вы должны усвоить основы пролетарской идеологии, хотя бы в размере уездной совпартшколы...

Возможно, что Пильняки и Есенины поднимут т. Воронского на смех, что они с негодованием отвергнут его предложение. Весьма возможно. Но в таком случае тов. Воронский вот что обязан сказать этим добрым людям:

— В мире существует об'ективная истина, но не вы ее отразите, не вы дадите нам „подлинное искусство" новой жизни, новой эпохи. Лишь случайно, изредка, ненароком вы дадите кусочек правды, но она сплошь и рядом будет тонуть в море исторической неправды. Для художественной правды необходима правда идеологическая. Не вооружившись этой правдой, не найдете и правды художественной.

Тов. Воронский так ясно вопроса не ставит. Правда, он все-таки понимает, что идеологию игнорировать нельзя. Он говорит:

„Основная задача в том, чтобы суб'ективизм, идеология, публицистика не искажали художественных созданий писателя, чтобы суб'ективные настроения соответствовали природе об'екта, чтобы публицистика и политика были в то же время на уровне лучших идеалов человечества" (См. А. Воронский: „Искусство и жизнь", стр. 14).

Итак, „подлинное искусство", „истинная лирика" и т. д. без идеологии, без публицистики, политики не обходятся, „об'ективный момент" сопровождает момент суб'ективный. С такого рода признаниями мы совершенно искренно можем поздравить тов. Воронского. Ведь „напостовцы" были им взяты в штыки за „упрощенный", поверхностный, агитаторский подход к литературе. Теперь он понял, что литература на одном „об'ективном моменте" построена быть не может, что не только умение схватывать, но и понимание схватываемого необходимо для того, чтобы получилась вещь, достойная внимания. Идеология и политика, т.-е. партийность и классовость в данном деле неизбежны. Речь может итти только о том, какая идеология, какая политика, какая партийность желательна и, с точки зрения „об'ективного момента", обязательна? Мы говорим — обязательна, ибо сам тов. Воронский подчеркивает необходимость, чтобы „суб'ективные настроения соответствовали природе об'екта", — иными словами, чтобы идеология, политика, партийность стояли на уровне переживаемой нами эпохи.

Какие же конкретные требования выставляет в данном случае тов. Воронский? Увы, — он по обыкновению ограничивается общей фразой, он усиленно избегает ясной, точной, прямой постановки вопроса. „Публицистика и политика" наших художников должны стоять на уровне „лучших идеалов человечества". Что это конкретно означает? Какие именно идеалы являются „лучшими"? Какая публицистика, какая политика, какая партийность наиболее соответствует, вернее, — единственно соответствуют „лучшим идеалам человечества"?

Мы считаем прямо неприличным отсутствие в статье тов. Воронского прямого ответа на все эти вопросы... Борису Пильняку говорят: твой суб'ективизм в том только случае будет соответствовать „природе об'екта", если твоя „публицистика и политика" будет стоять на уровне „лучших идеалов человечества". То, что говорят Пильняку, это — правда, но не вся правда; самого существенного ему не сказали, самого главного не

подчеркнули, самой необходимой помощи всем пильнякам не оказали. „Лучшие идеалы человечества“ формулированы только в программе мирового коммунизма. Об'ективной природе соответствует только коммунистическая „публицистика и политика“. Всякая другая партийность, кроме коммунистической, в той или иной степени реакционна. Всякий другой класс, кроме пролетариата, в той или иной мере реакционен.

Вот что обязан был сказать тов. Воронский со всей ясностью и определенностью. Вот как исполнил бы он свой долг коммуниста—руководителя советской литературы... Мы прекрасно понимаем: в литераторской среде так ясно не принято говорить. Там обычно ограничиваются тем, что отвешивают поклоны „великому Октябрю“, признают „заслуги“ большевиков, но свою „независимость“ (от коммунизма) оберегают весьма ревниво. Никому, разумеется, не придет в голову шальная мысль „превращать“ в коммунистов Пильняка и Есенина. Никто на их литераторскую „независимость“ покушаться не намерен. Но им необходимо со всей настойчивостью, убедительностью раз'яснить, что чем дальше они будут от коммунизма, тем дальше они будут от подлинной жизни и борьбы, от основных запросов эпохи. Нашим попутчикам этой правды прямо тов. Воронский не говорит и тем нарушает свои обязанности перед партией и советской литературой.

Лишь в конце своей программной статьи: „Искусство, как познание жизни“ он находит настоящие нужные слова:

> „Задача пролетарского художника... изображать... всю современную действительность в совокупности. Нужно только эту действительность видеть глазами коммуниста“.

Великолепно! „Всю современную действительность“—с ее противоречиями, под'емами, спусками,—нужно и можно видеть только „глазами коммуниста“. Превосходно! Бесспорная правда! Тот, кто не может смотреть „глазами коммуниста“, тот не в состоянии художественно изобраэить „всю современную действительность в совокупности“, т.-е. не в состоянии художественно отразить об'ективную правду. Наши попутчики не смотрят глазами коммуниста, ибо этих глаз у них нет,—стало быть, об'ективная правда эпохи для них закрыта. Таков единственный вывод из настоящего признания, невольно сделанного тов. Воронским.

Но это признание обязывает! Если оно искренно и если тов. Воронский захочет соблюдать минимум последовательности, он должен отсюда сделать практические выводы. Во первых, попутчиков он должен снабдить хотя бы коммунистическими... очками. Кто не пожелает или не сможет эти очки носить, тот тем самым определит свое отношение к революции, коммунизму, к об'ективной правде. Ясность будет создана, а она край не важна. Но, понятно, „очками“ дело ограничиться не может. Систематическое партийно-политическое воспитание попутчиков дело обязательное. Кто не поддастся этому воспитанию, тот естественным путем поставит себя вне литературы революции.

Во вторых, отношение к вопросу о пролетарской литературе должно быть решительно пересмотрено. В каком направлении? В смысле „аннулирования“ всей попутнической литературы и передачи литературной „власти“ представителям сегодняшней пролетарской литературы? Нет, не об этом идет речь. Мы ставим вопрос о литературных перспективах революции. Что нам по этому поводу говорит товарищ Воронский?

* * *

В № 5 „Прожектора“ от 18 марта 1924 г. т. Воронский опубликовал докладную записку агитпропу ЦК РКП о „текущем моменте“ и задачах партии в художественной литературе. Записка содержит в себе характеристику попутчиков, критику напостовцев и формулировку задач партии в области литературы. Если отмеченная выше статья т. Воронского „Искусство, как познание жизни“, является документом программным, то его докладная записка намечает тактическо-организационный план. Какова сущность тактики т. Воронского? Он пишет:

> „Живым языком художественной прозы о нашей советской действительности наиболее полными голосами заговорили художники, получившие потом крылатое название попутчиков революции, т. е. выходцы из мелкобуржуазной, крестьянской, интеллигентской среды:.. **При всей пестроте, разношерстности, идейной неустойчивости, невыдержанности и порой прямой идеологической сомнительности эта литература в целом успела** несомненно дать кое-что художественно ценное, и значительное...“ (курсив наш. И. В).

Примем эту характеристику так, как она есть: явная ненадежность попутчиков очевидна, на них возлагать главные надежды в литературе пролетариат не может. Воронский этого не хочет сказать. Но та характеристика попутчиков, которую он вынужден был дать, обязывает только к такому выводу. Ибо, ведь, дальше Воронский должен был сделать еще более горькое признание относительно попутчиков. Основной недостаток попутнической литературы — по мнению тов. Воронского — заключался в том, что попутчиками „октябрьская революция нередко воспринималась, как торжество мужицкой стихии (курсив наш. И. В.), при чем, организующая, руководящая, дисциплинирующая роль пролетариата оставалась слабо и поверхностно освещенной“.

Иными словами, попутчики в нашей революции ничего не понимали, ее характер и движущие силы для них оставались покрытыми тайной. Не зная и не понимая основного, они, естественно, не могли дать отражения „об'ективной истины“. Следовательно, о художественной ценности этой литературы можно говорить весьма условно, с большущими оговорками. Такой вывод только и вытекает из той характеристики, которую вынужден дать тов. Воронский своим попутчикам.

Но послушаем еще нашего „вождя“ литературы:

> „Попутчики, изображая не плохо русскую революцию в ее национальном разрезе, смутно, неясно, понимали ее интернациональный характер, ее связь с мировым рабочим движением и борьбой, скатываясь иногда в своеобразный национализм“.

Странно, весьма странно, т. Воронский! Только что мы от вас узнали, что попутническая литература не разобралась в характере и движущих силах революции, — как же, скажите на милость, такая литература могла „изображать не плохо“ эту революцию? Этого быть не могло и этого не было. Зачем обманывать себя и других? „Не плохого“ изображения революции в „национальном разрезе“ не могло быть еще и потому, что попутчики, оказывается, не понимали ее связи с международным пролетарским движением. Кто не понимает, что наша Октябрьская революция является высшей точкой мирового рабочего движения, для кого неясен интернациональный характер нашей революции, кто сбивается на сменовеховский национализм, тот никогда не сможет отобразить ее хотя бы в „национальном разрезе“. Попутчикам понимание всего этого пока-что не дано. Постиг-

нут ли они в историческом завтра „тайну" русской революции? В день, когда они эту „тайну" откроют себе, они перестанут быть попутчиками революции и станут ее солдатами. Но настанет ли такой день? Повидимому, нет, ибо вот что читаем мы в цитированной выше статье т. Воронского об искусстве, как познании жизни:

> „Где кинут многие из них (попутчиков) свой якорь в конце-концов, неведомо, но, пока существует Советская власть, пока „революция продолжается", они, думается, будут говорить: „Мне, не большевику, вообще легче вести компанию с большевиками, у них есть бодрость и радостность" (Бор. Пильняк)".

Спасибо Пильняку, он очень утешил большевиков своим лестным о них мнением. Весьма тронуты и весьма благодарим.

Ну, а что же сказать вам, товарищ Воронский? Пожалуй, и вас придется благодарить за приятное сообщение о том, что сам Борис Пильняк будет с нами, пока мы существуем, пока „революция продолжается"! Надо думать, расположение пильняков к большевикам отчасти об'ясняется тем, что вы, тов. Воронский, немало поработали над сближением между „властью и литературой". О, история ваших заслуг не забудет. Да что история! Весьма многие современники оценили уже ваши великие труды на благо русской литературы и культуры. Но об этом ниже...

Итак, мы имеем одно большое утешение: пока мы существуем, пильняки будут около нас и, ничего не понимая в революции, будут ее „художественно", „об'ективно", „правдиво" отображать. Но, тов. Воронский, попробуйте понять вот какого рода штуку: революция требует, чтобы литература не только водила с нею компанию, пока она жива. Революция требует, чтобы литература сознательно, активно, честно работала над тем, чтобы революция жила, чтобы пролетариат победоносно шел вперед, чтобы прошлое окончательно было похоронено. Если „неведомо", где пильняки кинут свой якорь, то, значит, они ненадежные из всех ненадежных попутчиков революции, и вы, тов. Воронский, лучше нас знающий всех пильняков, обязаны об этом прямо сказать пролетариату. Вы обязаны прилагать все усилия к тому, чтобы для пролетариата были отысканы надежные, политически честные, политически грамотные, с революцией неразрывно связанные работники литературы. Литература слишком важная отрасль, чтобы можно было оставлять ее в руках галантных джентльменов, которые готовы вести с нами компанию, пока мы у власти и относительно которых неизвестно, где, в каком лагере, завтра они будут находиться.

Но о дне завтрашнем тов. Воронский мало беспокоится. Дав попутчикам уничтожающую характеристику, вскрыв всю их ненадежность, он все таки находит в себе мужество спокойно провозгласить:

> „В отношении спора о роли и удельном весе так называемых попутчиков и пролетарских писателей в настоящее время нет никакой нужды пересматривать вопрос. Попутчики остаются в литературе наиболее сильным ядром".

Но ведь это значит, что революция остается без своей литературы. Воронский об этом не думает. Он раб факта преобладания попутнической литературы. Для него забот об историческом завтра не существует. Его не волнует то обстоятельство, что революция еще не имеет настоящего писателя. Для него и пильняки хороши, — они ведь „не плохо" изображают революцию в „национальном разрезе"!

Воронский в своей докладной записке все время говорит от имени

партии. Думаем, что партия на самом деле не так беззаботна в отношении перспектив нашей литературы, как беззаботен Воронский. Партия видит, что попутчики это только попутчики, что революции нужен на все сто процентов свой писатель. И общественная мысль партии ставит вопрос: откуда придет настоящий писатель? Ответ один: настоящий писатель придет оттуда, откуда пришли настоящие политики, организаторы, воины революции. Этот писатель будет проникнут „лучшими идеалами человечества", т.-е. идеалами коммунизма. Литература будет большевизирована. Художественное слово станет мощным орудием в деле строительства социализма. Это будет сделано, сколько бы мещанско-интеллигентские тупицы не скалили сегодня зубы по поводу нашей „нелепой", „смешной", „наивной" мысли о большевизации литературы... Коммунистический пролетариат слишком много чудес совершил, чтобы сомневаться в том, что он совершит и „чудо" овладения художественным словом.

Все это неизбежно, однако, самособой не сделается. Как революция в государстве, так и революция в литературе требует сознательной, настойчивой, упорной работы. Каждый шаг здесь должен быть и будет завоеван. Литература — одна из последних крепостей буржуазии, и за нее она будет держаться до последней возможности. Литературные позиции — важнейшие политические позиции. В условиях пролетарской диктатуры эту позицию буржуазия сможет удержать за собою в том случае, если она сможет опереться на отдельных представителей этой диктатуры. Ниже мы увидим, что литературную политику тов. Воронского целиком одобряют идеологи буржуазии—и мелкой буржуазии. Воронский фактически стал орудием в деле укрепления позиции буржуазии, ибо он не понял, что если литературу не завоюет пролетариат, то она будет служить буржуазии.

„Напостовцы" поняли и остро почувствовали огромное политическое значение литературы и поставили вопрос об ее овладении пролетариатом. „Напостовцы" говорили не о том, будто необходимо немедленно, сегодня же, передать литературную „власть" в руки пролетписателей. „Знаем, мы еще в отрочестве", — писал Либединский в № 4 „На Посту". Основное в позиции напостовцев это — подчеркивание необходимости подготовки к овладению пролетариатом литературы, выяснение истинной сущности и роли попутчиков, правильное понимание политического значения литературы, в особенности в эпоху войны классов.

Нападая бешено на напостовцев, тов. Воронский выдвигал против них, между прочим, вот какого рода обвинение:

> „В существе своем эта (напостовская) позиция являлась перенесением старых анти-спецовских настроений в нашей партии в сферу литературы, давно изжитых в политической области, но еще дающих о себе знать в науке и искусстве".

Допустим, что каким-либо чудом исчезло все, написанное тов. Воронским по вопросу о литературе. Но если приведенные только-что строки останутся, — достаточно, больше ничего не требуется, чтобы политическая линия нашего „литвождя" была ясна. Перед нами проявление какого-то невероятного политического ослепления. Писателя сравнивают со спецами, при чем забывают о такой пустяковине, как то, что спецы работают в области техники и администрации, а писатель имеет дело с идеологией. Да, это какое-то ослепление! Человек настолько проникся „об'ективизмом", настоль-

ко потерял чувство политической действительности, что забыл про разницу между техникой и идеологией, забыл, что в области литературы, в области идеологических „предприятий“ у нас не может быть ни аренд, ни концессий, ни смешанных обществ... Впрочем, опыт смешанного общества т. Воронским был проделан, и он оканчивается довольно круглым политическим убытком для нас...

О, нет, тов. Воронский, напостовцы прекрасно понимают все значение знаний, навыка, культурного наследства! Напостовцы хотят, чтобы деятели настоящей революционной литературы были несравненно культурнее, грамотнее, чище „светил“ нашей литературы, дни и ночи коротающих в кабаках, в полу-пьяном угаре творящих, сочиняющих. Мы считаем, что даже теперь представители нашей совсем еще юной пролетлитературы должны попытаться воздействовать на наиболее искренних и честных из попутчиков.

Нет, тов. Воронский, бросьте неловкую демагогию о напостовском спецоедстве, лучше займемся действительно спорными вопросами!

Революции нужна своя литература. Развитие революции ведет к под'ему и росту культуры рабочего класса, к его культурной гегемонии. Утверждение культурной гегемонии пролетариата означает, между прочим, утверждение пролетарской литературы и отмирание попутничества.

Ликвидация попутничества—дело не дней, недель и месяцев, — это дело ряда лет. Победим мы на этом фронте, если мы захотим победить. Воронский не думает о нашей победе. По его мнению, мы здесь не смеем победить: „попутчики остаются в литературе наиболее сильным ядром“. Так тому и надлежит быть. А мы говорим, и партия вместе с нами скажет: да, так было, так есть, но так быть не должно. Пролетариат должен овладеть, и он овладеет художественной литературой.

* * *

Мы рассмотрели программу и тактику т. Воронского. Какова его организационная политика? Да и есть ли у него вообще организационная политика? Если есть, кого он хочет об'единить, кого расколоть?

Основное в организационной литполитике нашего „вождя“ это — раскол пролетарской литературы, разрушение ее рядов. Ведя против напостовцев „сокрушительную“ полемику (при сочувствии всех антиреволюционных сил), Воронский одновременно делает попытку отколоть от пролетарской литературы, отколоть от ее организации наименее выдержанных, наименее политически и партийно воспитанных пролетписателей и растворить их в общей каше попутчиков, „стариков“. Воронский чрезвычайно радуется „решительному разрыву с так называемым МАПП'ом доброй половины молодняка, уже проявившего себя в литературе“. Он называет имена Артема Веселого, Голодного, Ясного, Светлова, Кастерина. Подтверждаем, что Воронскому в самом деле удалось этих товарищей всяческими путями от МАПП'а отколоть. Воронский считает этот факт „очень характерным и отнюдь не случайным“. Подтверждаем, что откол именно названных товарищей в самом деле не является „случайным“. Названная группа состоит из лиц, политически слабо развитых, идеологически малоустойчивых, настроенных полу-анархически, озлобленных тяжелой бытовой обстановкой. В очень тяжелых условиях мы ведем очень тяжелую борьбу за партийность в литературе. Во время такой борьбы дезертирство, разочарования, отколы наименее выдер-

жанных элементов неизбежны. Воронский перетянул на свою сторону кучку дезертиров и радуется этому факту. Пусть радуется.

Но мы спросим т. Воронского: что сделал он с отколовшимися? Куда он их ведет? Какой путь указывает? Мы утверждаем, что Воронский, отколов от МАПП'а группу Артема Веселого, подчинил ее буржуазному влиянию. Он ведет эту группу не вперед, а назад. Вдохновляемый Воронским, Артем Веселый договаривается до того, что настоящие писатели у нас даже не среди попутчиков, а... в эмиграции!.. Хорошо работает т. Воронский на пользу революции, прогресса, культуры, на пользу „лучших идеалов человечества“..

Все революционное, истинно-коммунистическое, истинно-партийное в литературном молодняке плотно примыкает к напостовскому литературному знамени. Ибо более чем когда либо, ясно в настоящий момент: борьба между напостовцами и Воронским это есть борьба между партийностью и политическими уклонами.

* * *

Да, литературная позиция т. Воронского по существу антипартийна. Кто хоть на один момент сомневается в этом, тот пусть подумает над весьма несложным вопросом: почему Воронский получает щедрые похвалы от врагов революции? Почему поднимают его на щит всякие сменовеховские и полу-эсеровские „внутренние эмигранты?“

„Воля России“ — орган партии Чернова - Керенского — в № 19 (ноябрь 1923 г.) писала.

„Первый „кит“ советской критики, Воронский, редактор „Красной Нови“, „Наших Дней“, „Прожектора“ и „Круга“, об'явлен белогвардейцем и литературным меньшевиком, соглашателем со старой литературой, изменником и проч. На него обрушились остальные три „кита“ современной русской критики — Волин, Лелевич и Родов. Отрицая за Воронским право на именование создателем современной русской критики, организатором всех лучших писателей и проч., на страницах журнала „На Посту“ вышеуказанные критики указывают на главное преступление Воронского: политику широкой коалиции с буржуазной литературой. **Весь бой пошел из-за того, что Воронский стал относиться к литературе с литературной точки зрения.** Спор в настоящее время перешел на страницы ежедневной газеты, и теперь вопрос сводится к тому, какое большинство голосов получит Воронский среди своих читателей. Пока же пресса успела повторить несколько раз, что Воронский не изменял революции, что если он и не поместил в своих журналах каких-либо произведений неталантливых авторов или даже бездарных, то отсюда еще далеко до измены Октябрю. Я отмечаю эти споры именно с той точки зрения, что хотя борьба „правых“ и „левых“ еще продолжается, но уже **намечается попытка подойти к литературе с художественной точки зрения. Путь, на который вступил Воронский, обещает дать известные плоды.** Пока же нападки на него „левых“ только помогут утончению взглядов на текущую литературу как самого Воронского, так и его сторонников. А с другой стороны, **выпады противников приведут к тому, что едва ли им за неосторожную критику присяжного „критика“ будут давать бумагу для печатания своих изданий“.**

Тов. Воронский, своим политическим поведением вы этот белогвардейский поцелуй вполне заслужили. В эпоху классовой войны малейший политический уклон чреват огромными последствиями. В эпоху классовой войны нельзя безнаказанно пустословить об об'ективном искусстве.

Вы забыли про революцию, бело-эсеры это сразу заметили, и всячески вас одобряют за „литературное“, т. е. неполитическое, т. е. нереволюционное отношение к литературе.

„Путь, на который вступил Воронский, обещает дать известные плоды“. С точки зрения революции, это смертный приговор вашей

литературной политике, т. Воронский. Путь ваш одобряют эсеры; этого одного достаточно, чтобы партия решительно, немедленно, безоговорочно призвала вас к порядку.

Эсеры оказались пророками, — они правильно предсказали „утончение взглядов... как самого Воронского, так и его сторонников". Наш „главный критик" и „главный организатор" литературы по части „тонкости", по части уловления всего „подлинного", „истинного", „об'ективного", „всечеловеческого" в литературе, сделал огромнейшие успехи. Эсеровские любители „настоящей" литературы могут быть вполне удовлетворены.

Но эсеры оказались пророками и в другом отношении: напостовцам — заявили они — „за неосторожную критику" Воронского „едва ли... „будут" давать бумагу для печатания своих „изданий". Издательство „Новая Москва" не пожелало продолжать выпуск нашего журнала. Другие издательства также отказались приютить у себя такой „крамольный" журнал, как „На Посту". В результате — в нашей работе получился перерыв. Вот лишнее, прямо-таки вопиющее доказательство того, что партийно-политическое руководство нашими издательствами никуда не годится...

Да, „путь, на который вступил Воронский", уже дал „известные плоды", но в пользу кого? Литературные взгляды „утончены" не только у Воронского, но и у наших издателей. Но кто от этого проигрывает политически и кто выигрывает?

От эсеров зарубежных перейдем к эсерам внутренним. Существует в природе литературно-критический пошляк, Валериан Правдухин. Раньше он проповедывал „вечные истины", защищал „правду-истину" и „правду-справедливость" в журнале „Сибирские огни". Марксистской „узости" и „нетерпимости" он противопоставлял народническую „широту", „терпимость", „об'ективизм".

Ныне этот молодец подвизается на страницах „Красной нивы", журнала, редактируемого тт. Луначарским и Стекловым. И знаете, чем он тут занимается? Всячески защищает т. Воронского (и т. Троцкого) от... напостовцев. Защита Правдухина настолько блестяща, увлекательна, поучительна, что мы не можем устоять перед соблазном и должны привести из его статьи большущую цитату. Начинается она, конечно, с изобличения напостовцев. Правдухин пишет:

> В борьбе за мнимо-пролетарское искусство, они возненавидели искусство — органическое, творческое, оформление-познание социальной и космической стихии. Они пытаются заменить его схемами прямолинейных догматов, обескровливающих искусство, интеллектуальных замыслов, убивающих волю художников. Тех же художников, которые пытаются сохранить свои „казацкие вольности" — широкое и буйное, человечески-нормальное и здоровое эмоциональное познание жизни, — они об'являют еретиками. Не дай бог такому художнику, не отвыкшему от вольных навыков Запорожской сечи, сказать неподобающее слово; тогда они его не оставят в покое, они растерзают, растащут его на мельчайшие косточки, они ему, как Пильняку, поставят в вину, даже части его костюма, — они доберутся до его роговых, черных очков, „купленных в Великой Британии"! (*См. статью С. Ингулова, № 4, „На посту"*).
>
> Они, как монахи, из искусства пытаются создать религиозно-догматический ритуал, продиктовать художнику темы (*См. статью Либединского*), они хотят засушить искусство, лишить его цветущих лепестков, буйно зеленеющих ветвей. Один голый ствол, схема, годная для их интеллигентски-интеллектуальных догматов.
>
> Они, как средневековые монахи, создают школу „диспутантов", софистов-ругателей и извлекают из пыли веков все острые едкие словечки, сказанные в совсем иной обстановке, при совершенно иных условиях. (*См. ст. Бор. Волина „На посту", № 4*).

И они уничтожили бы всех писателей, они уже опасно поранили многих молодых писателей, они уже пролили кровь и подняли на копья не одного только гоголевского Кукубенко. И им, вероятно, удалось бы истребить все писательское воинство, расчистив все литературное поле до того, что на нем не осталось бы никакой жизни, как на пустыре, если бы из-за засады не раздался зычный голос матерого бойца Тараса Бульбы, то бишь, Л. Троцкого.

„Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска!" — Махнул платком Троцкий, и выступил на защиту литературы **серьезный, деловой даже в боях, Остап — А. Воронский. Он сумел защитить и спасти от смерти многих бойцов,** он крепко удерживал главные позиции литературы, **старые, крепкие „классические" сооружения ее,** зная, что без них — на голом пустыре — невозможно создать крепких устоев; он спокойно защищал и новых, еще не опытных бойцов-писателей, в художнических ударах которых чувствовалась свежая, много обещающая и жизненная сила.

Но его защита еще пуще раззадорила „Напостовцев".

С большим задором и упорством начали они свое наступление, и погиб бы Остап, если бы в бой не вступил сам Тарас — Троцкий. Он, **поседевший и закаленный и в более опасных боях, рубил и направо и налево** (см. „Кр. Нива", № 1, от 6 января 1924 г.).

Далее рассказывается о том, как тов. Троцкий „своим опытным взглядом сумел выбрать действительно крепкие и здоровые позиции", как он „доказал" с непререкаемой ясностью, что та литература, которая хочет „завоевать весь мир, не может ставить себе ограничивающих себя узко-классовых задач". Словом, — как любил Плеханов высмеивать народников: „широта ты, широта, окиянморе!" И эту „широту окиянистую" Правдухин открыл в литературной позиции тт. Воронского и Троцкого. Увы — он не ошибся, как не ошиблись эсеры зарубежные, похваливше т. Воронского (и еще раньше т. Троцкого — см. „Воля России", № 18, за ноябрь 1923 г.) — за „широкую", „об'ективную" постановку проблемм литературы.

Но вернемся к Правдухину. Его нестерпимая пошлость интересна во многих отношениях. Во-первых, перед нами свидетельство недопустимо-небрежного (мы выражаемся крайне мягко) отношения двух виднейших коммунистов-редакторов к своим обязанностям. Позволять всяким литературно-политическим проходимцам наскакивать на „мнимо-пролетарское искусство" — это верх политической бестактности. Если тт. Луначарский и Стеклов имеют что сказать о напостовцах, — пусть говорят сами или уполномочивают на это дело людей партийно-ответственных. Ибо надо же понять, что спор о литературной политике мы ведем внутри партии. Привлекать к этому спору лиц, чуждых партии и революции, — недопустимо.

Что касается существа статьи Правдухина, то мы ею совершенно довольны: она превосходно разоблачает всю фальшь политики Воронского. Ведь Правдухин „популярно", „красиво" излагает то, что „научно" и „солидно" изрекает т. Воронский. Побольше таких союзников „серьезному, деловому даже в боях, Остапу — Воронскому", и для всякого будет ясно, кому на потребу идет политика нашего главного защитника „старых, крепких, классических" сооружений" литературы.

Побольше таких союзников нашему великолепному Остапу, — говорим мы. Да этих союзников и так уж не мало. Вот, например, гражданин Лежнев, редактор журнала „Россия". Лежнев умнее Правдухина, он не так болтлив, он умеет скрывать свои мысли, он не хочет скомпрометтировать Воронского слишком уж горячими лобзаниями. И все-таки, послушайте, что говорит этот осторожный представитель течения, на яву и во сне видящего превращение диктатуры в демократию:

„Оружие критики заменено критикой оружия. Вместо ножей литературной кухни, кухонных ножей, уже бряцают ножи боевые. „На мушку" берутся все командные высоты литературы—Госиздат, „Красная Новь" и „Круг", не говоря уже о прочих которых. „Поставлены два лагеря", „нейтральных стран не может и не должно быть", „надо перепахать" и т. д. „Перепахать" литотдел „Красной Нови"—значит предоставить художественный отдел единственного литературного журнала Тарасову-Родионову и др. В. П. З. Р. (великим писателям земли русской).

Наивно было бы в нашем положении выступить в защиту „Красной Нови", но как не поймут люди элементарного? Если этот единственный у нас солидный журнал будет взят на откуп Тарасовыми, то это будет уже никак не „Красная Новь", а „На Посту" № 2—только то и всего, а командная высота превратится сразу... ну, скажем, в долину". („Россия" № 1 за 24 г., И. Лежнев: „Где же новая литература?" Стр. 180—181).

Охотно верим, Лежнева даже „Красная Новь"— наш „единственный... солидный журнал"— не удовлетворяет. Но это уж другой разговор. Важно то, что в споре между напостовцами и Воронским наш внутренний эмигрант, наш ручной термидорианец Лежнев становится на сторону Воронского. Он делает выбор в пользу Воронского, для него он — меньшее зло. У всякого политика есть программа-максимум и программа-минимум. Воронский для всех Лежневых —внутренних и внешних—программа-минимум. Напостовцы для всех Лежневых — внутренних и внешних — абсолютное зло.

Мы с гордостью можем констатировать, что все антиреволюционные силы и в России, и в эмиграции с бешенством обрушились на нас. Партии и группы, расхваливающие Воронского, всячески поносят напостовцев. Контрреволюция правильно учла, откуда, с какой стороны грозит опасность ее последним позициям.

Эсеровская „Воля России", в ноябре 1923 года похвалившая горячо Воронского, вот что писала в декабре в большой статье, посвященной журналу „На Посту":

„Коммунизм проходит различные стадии. Сперва он добивался побед материальных, на фронте жизненной действительности. Он связал подданных большевитской республики подчинением диктатуре и обязательной одинаковостью действий. Тогда и оказывала неоценимые услуги Чека внешняя.

Теперь он желает добиться **полного торжества на фронте духовном** и сковать всю Россию, а потом и весь мир, цепью одинаковости мысли и чувств. Для этого потребовалась **Чека внутренняя.**

Существует наука, литература, искуство—автономные области человеческого духа. Нельзя ли учредить некий Центродух? И в автономные области послать коммиссара с полномочиями, мандатом, а если надо—и с карательным отрядом?"

Так писал видный эсеровский публицист Марк Слоним в статье „Литературная чека". („Воля России" № 20, стр. 33.) Отдадим врагу должное: он понял очередную задачу коммунизма. Он понял, что материальная победа коммунизма должна быть закреплена победой духовной. Враг понял то, чего не понял Воронский. Позиция Воронского врага совершенно удовлетворяет: „путь на который вступил Воронский, обещает дать известные плоды". Но беда в том, что политика Воронского уже подвергается нападкам, что ошибка его уже разгадана и разоблачена, что ожидаемых „плодов", пожалуй, не будет. И белогвардейский писатель приходит в неистовство. Он бурно протестует против нового ужаса — против „диктатуры над литературой". Он не находит слов, чтобы заклеймить поведение Сосновских, Волиных, Лелевичей, Родовых, Демьянов Бедных, Вардиных. Особенное негодование эсеровского публициста вызывает заявление автора настоящих строк о том, что

„без политики нет современной литературы„, что мы „не верим, никогда не поверим, чтобы беспартийная литература могла стать подлинной литературой революции". Совершенно в духе „популяризатора" Воронского-Правдухина — сотрудник „Воли России" протестует против приказаний „партийных законодателей", против подчинения „твердокаменной линии" и т. д., и т. п.

Приведем еще одну поучительную выдержку из статьи ужаснувшегося эсеровского публициста.

> „Добродушием, кротостью нрава, мягкостью манер, любвеобилием и прочими добродетелями российские коммунисты настолько прославились во всех областях, что **хоть в литературе им следовало бы отказаться от этих типических черт.** А так как, по уверению одного из сотрудников „На Посту", революция идет „в коридоры старого мира" и „через синюю папку следователя ГПУ", то нетрудно понять, какие коридоры пройдет и в каких папках запечатлевается „революционизирование литературы".
>
> Отчего Госиздат издает крамольных писателей? Зачем кормят непролетарских поэтов? Как допускают буржуазных авторов в библиотеки— горячо вопрошают члены **пролетарской „священной дружины"**, указывая обвиняющим перстом на преступников. И в упоении своей новой ролью—**официальных доносчиков и литературных чекистов**—подвергают строгому разбору всю новейшую литературу" (стр. 37).

Вы довольны, т. Воронский, вашим союзником по борьбе с напостовцами? Мы очень довольны. Мы гордимся званием „литературных чекистов". Мы видим, что попали в самую точку, что ударили буржуазно-мещанскую сволочь по самому чувствительному месту. „Хоть в литературе" откажитесь от своих „типических черт",—взывает отчаявшийся белогвардеец. Воронский готов уступить ему, Воронский против „диктатуры в литературе", Воронский повинен в попустительстве. Мы беспощадно срываем все „надклассовые" „объективные", „вечные" покровы с литературы, мы обнажаем ее классовую сущность, и тем приводим в бешенство врагов революции.

Мы гордимся тем, что непримиримые враги рабочего класса называют нас „оффициальными доносчиками". Мы гордимся званием „членов пролетарской священной дружины". Более чем когда-либо мы знаем, мы чувствуем под градом пуль врагов, что стоим на верном пролетарском посту.

Нам не нужно лучшей похвалы, чем та, которою недавно порадовала нас милюковская газета. „В России — писали „Последние Новости" в № от 27 марта в статье М. Осоргина — „в России создалась и оформилась настоящая служебная государственная литература. Казенных госорганистов представляет журнал „На Посту"... Это—литературное ГПУ, главной заслугой чтящее донос и на дальнего и на ближнего, даже с прямой угрозой препровождения по назначению".

„Донос... на ближнего". Это вас, тов. Воронский, берет под свою защиту милюковская газета... Слонимы, Лежневы, Правдухины, Осоргины — такое окружение неужели не ужасает вас, тов. Воронский?

* * *

Таковы факты. Они вопиют о том, что положение в литературе политически крайне опасно. Враги революции ухватились за уклоны тов. Воронского, как хватаются они за всякие уклоны в нашей среде.

Линия Воронского это — линия подчинения литературы буржуазии. Несколько месяцев тому назад этого можно было не заметить, в настоящее время этого нельзя не видеть. Партия не может терпеть дальше такое положение, когда белые партии, цели-

ком солидаризируясь с основными положениями политики Воронского, ведут открытую борьбу против литературных „чекистов". Да, вопрос стоит именно так: займем мы в литературе ту позицию, какую заняла партия в государстве, или литература останется в руках буржуазии. Перед нами проблема в основе своей политическая. Эту проблему средствами Воронского мы никогда не разрешим, ибо Воронский в литературе — пораженец. Это необходимо понять.

В одной из своих записок наш „литвождь" сравнивал напостовцев с... „Рабочей Правдой". Одно из двух: либо Воронский понятия не имеет о „Рабочей Правде", либо он, рассчитывая на незнание других, пытался кой-кого жупелом ввести в заблуждение. Если верно последнее, то Воронский жестоко ошибся. Мы хорошо знаем сущность „Рабочей Правды". Она представляет собою попытку перевести коммунизм на путь меньшевизма, посредством постепенного перерождения партии. Линий перерождения, линий смычки с буржуазией, мещанством, по старому настроенной интеллигенцией чрезвычайно много, тов. Воронский, и тут одно из первых мест занимает литература. И здесь ваша политика целиком идет по линии перерождения революции, по линии вступления ее в „нормальные" берега.

Самым характерным для Воронского является то, что для него революция кончилась, что он исходит из стабилизации мировой общественной жизни, что посленэповская эпоха для него это — эпоха „после войн и революций". Поэтому в его статьях не чувствуется война классов, поэтому переоценивает он „значение об'ективизма", значение „вечных" истин. Поэтому солидаризируются с ним злейшие враги революции...

Положение очень серьезно. Мы настаиваем на решительном пересмотре, решительном осуждении нынешней литературной политики Воронского. Мы настаиваем на сплочении коммунистов-литераторов на определенной партийной платформе.

Воронский в своей докладной записке рекомендует „признать желательным и своевременным об'единение писателей коммунистов и им сочувствующих (попутчиков)". Мы иначе ставим вопрос, мы считаем не „желательным", а настоятельно необходимым, неотложным, обязательным „об'единение писателей-коммунистов", но уж без попутчиков. Мы говорим о партийном об'единении, о создании фракции, которая под руководством соответствующего партийного комитета, по его директивам будет проводить партийную линию в литературе. Пусть эта линия не будет уточненной во всех своих частях, пусть партия не сможет сразу давать ясные директивы. Начать все же необходимо, а там опыт подскажет наиболее верную линию.

Во всяком случае, нестерпимо такое положение, когда фактически от имени партии могут выступать в литературе и среди литераторов и Воронский, и Касаткин (союз писателей), и Брюсов (ВЛХИ), и Луначарский. Нестерпимо положение, когда „организатор" советской литературы находится в фактическом блоке со всеми антисоветскими элементами — против работников молодой пролетарской литературы, против представителей действительно партийной политики в литературе.

Воронщина должна быть ликвидирована решительно и навсегда. Этого повелительно требуют интересы партии и революции.

Ил. Вардин.